

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ФЕНОМЕНЫ

О. В. Шинин

Взаимодействие органов безопасности Дальнего Востока с государственными и партийными органами в процессе разведывательной работы. 1922–1941 годы

Аннотация: исследуется проблема организации и осуществления взаимодействия советских органов внешней и военной разведок, структур исполкома Коминтерна, его представительств в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, а также дипломатических, консульских и иных представительств СССР в странах зарубежного Дальнего Востока в процессе ведения разведывательной работы в 1922–1941 гг.

Ключевые слова: история, Дальневосточный край СССР, Китай, ОГПУ, ОКДВА, военная разведка, внешняя разведка, резидентура, Коминтерн, дипломатические и консульские представительства СССР.

Как свидетельствуют архивные материалы, помимо подразделений дальневосточных органов безопасности и пограничной охраны разведывательную деятельность в Китае, Корее и Японии проводили Разведывательный отдел (управление) центрального аппарата органов безопасности¹, разведывательный отдел (управление) штаба Рабоче-крестьянской Красной Армии², разведывательные отделы штабов воинских частей, дислоцированных на Дальнем Востоке, структуры исполнительного комитета Коминтерна, его представительств в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, а также дипломатические, консульские и иные легальные представительства СССР в регионе.

Взаимодействие разведывательных органов осуществлялось в различных формах. Основными из них были: совместная подготовка нормативных актов, регулирующих задачи и направления взаи-

модействия; обмен оперативно значимой информацией; совместное проведение разведывательных операций; создание совместных оперативных групп для ведения конкретных закордонных разработок; выезды в служебные командировки для проведения согласованных действий, проверок и оказания помощи, изучения и распространения положительного опыта; взаимное использование возможностей для повышения квалификации оперативных работников, проведение совместных встреч и совещаний.

Взаимодействие разведывательных органов со структурами ИККИ, его представительств в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, дипломатическими, консульскими и иными зарубежными легальными советскими представительствами осуществлялось в основном в рамках взаимного обмена информацией, оказания организационной и материально-технической помощи отдельным милитаристским группировкам в Китае, Китайской национальной партии Гоминдан и Китайской коммунистической партии.

Взаимодействие Иностранного отделения ПП ГПУ по Дальневосточной области с Иностранным отделом ГПУ НКВД РСФСР началось в 1923 г.: с января ИНО Полпредства стал регулярно направлять в Москву сводки об иностранных разведках и белоэмигрантских организациях, доклады о результатах разведывательной деятельности, обзоры по оперативным разработкам. В свою очередь ИНО Центра в ориентировках ставил перед ИНО Полпредства конкретные задачи, определял приоритетные направления разведывательной работы.

¹ В исследуемый период наименование указанного разведывательного органа неоднократно изменялось: ИНО ГПУ НКВД РСФСР (1920–1923), ИНО СОУ ОГПУ СССР (1923–1934), ИНО ГУГБ НКВД СССР (1934–1936), 7 отдел ГУГБ НКВД СССР (1936–1938), 5 отдел 1 управления НКВД СССР (1938), 5 отдел ГУГБ НКВД СССР (1938–1941), 1 управление НКГБ СССР (с 1941 г.).

² Центральный орган военной стратегической разведки в 1922–1941 гг. назывался: Разведывательный отдел Управления Первого помощника начальника Штаба РККА (1922–1924), Разведывательное управление Штаба РККА (1924–1927), IV Управление Штаба РККА (1927–1935), Информационно-статистическое управление РККА (1935), Разведывательное управление РККА (1935–1939), 5 Управление РККА (1939–1940), Разведывательное управление Генерального штаба РККА (с 1940 г.).

В декабре 1923 г. ОГПУ наметило основные принципы и формы взаимодействия ИНО Полпредства и харбинской легальной резидентуры ИНО ОГПУ при ведении разведывательной деятельности в Манчжурии. В январе 1924 г. харбинский резидент ИНО ОГПУ Б. Н. Мельников и полпред ОГПУ на Дальнем Востоке А. П. Альпов подписали соглашение о взаимодействии. Устанавливалось, что харбинская резидентура поддерживает непосредственную связь с Дальневосточным полпредством ОГПУ, выполняет все разведывательные задания, регулярно направляет материалы (оперативного и общего информационного характера) и осуществляет совместную разработку отдельных вопросов в соответствии с указаниями Полпредства.

С образованием новых резидентур ИНО ОГПУ в Пекине, Шанхае и других городах Китая и созданием резидентур ИНО Полпредства на станциях Пограничная и Манчжурия, в городах Хайларе и Сахалине, Хакодате и Кобе информационное и оперативное взаимодействие разведывательных структур упрочилось. На регулярной основе (ежемесячно, ежеквартально и ежегодно) ИНО Центра и Полпредства обменивались обзорами, сводками, бюллетенями по вопросам оперативной обстановки на зарубежном Дальнем Востоке, организации и тактики подрывной деятельности иностранных спецслужб и белоэмигрантских организаций, по проблемам деятельности структур Исполкома Коминтерна, дипломатических и торговых представительств СССР и по другим вопросам.

Однако уже в 1932 г. ИНО ПП докладывал, что с харбинской «легальной» резидентурой ИНО ОГПУ взаимодействие отсутствовало в форме обмена информацией, а также в области собственно оперативной работы. Информационное взаимодействие с легальной резидентурой ИНО ОГПУ в Токио было удовлетворительным, однако ИНО ПП в отчете за 1932 г. отмечало недостаток информации о Корее (и это притом, что «фактически даже трудно по составу населения точно определить, где кончаются границы Кореи и где начинается наше Приморье»).

В 1933 г. ИНО ПП удалось достигнуть эффективной агентурной увязки с ИНО ОГПУ в Манчжурии. Велись совместные разработки, основные мероприятия по которым исполняла агентура харбинской резидентуры ИНО ОГПУ. Резидент О. Я. Нодев («Осис») также оказывал действенную помощь резидентам ИНО Полпредства, например, передавая для использования ценную агентуру. «Осис» и резиденты ИНО ПП регулярно встречались, обменивались информацией и согласовывали оперативные мероприятия.

С шанхайской «легальной» резидентурой ИНО ОГПУ, несмотря на наличие в аппарате представителя ИНО Полпредства резидента «Марка», необходимого агентурного взаимодействия, не считая единичных разработок, организовать не удалось. В 1935 г.

взаимодействие с резидентурой ИНО ГУГБ НКВД в Шанхае стало несколько более тесным в связи с тем, что город приобрел особое значение как пункт для легализации нелегальных оперативных работников.

Резидентура ИНО ОГПУ в Токио в 1933–1935 гг. регулярно снабжала ИНО Полпредства информационными материалами, однако эффективного оперативного взаимодействия не было. Ситуация с получением разведывательных материалов по Корее продолжала оставаться неудовлетворительной. Поступавшая с большими задержками отрывочная информация не давала представления о военно-политической ситуации в этой стране. Данные о деятельности белоэмигрантских организаций на Южном Сахалине и в Японии отсутствовали. Непосредственной связи с резидентурой ИНО ОГПУ в Сеуле не было.

Как свидетельствуют документы, центральный аппарат внешней разведки оказывал ИНО Полпредства помощь кадрами для закордонной работы. Так, например, помощником резидента резидентуры ИНО ПП № 7 в 1930 г. был направлен сотрудник ИНО ОГПУ «Павел», в 1932 г. ИНО ОГПУ направило резидентом резидентуры ИНО ПП № 3 своего сотрудника «Гришу» и др.

Взаимодействие с органами военной разведки на всем протяжении исследуемого периода было плотным и в основном эффективным. После окончания Гражданской войны в связи с изменением задач военной разведки было произведено их перераспределение между Разведывательным управлением Штаба РККА и разведывательными отделами военных округов³. Задачи по организации агентурной стратегической разведки, наряду с Разведуправлением, были поставлены и перед разведывательными отделами военных округов, но в отличие от Разведуправления они вели разведку главным образом в сопредельных странах.

Разведывательный отдел штаба 5-й армии, дислоцировавшейся в Сибири и на Дальнем Востоке, вел разведку в Китае, Корее, Монголии и Японии. Агентурная разведка на зарубежном Дальнем Востоке в силу трудностей организации связи и руководства работой из Москвы велась в течение нескольких лет исключительно разведывательными подразделениями воинских частей, дислоцировавшихся

³ На российском Дальнем Востоке окружные органы военной разведки состояли из Разведывательного отдела штаба 5-й армии (1922–1924), Разведывательного отдела штаба Сибирского военного округа (1924–1929), Разведывательного отдела Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии (1929–1938), Разведывательного отдела Дальневосточного фронта (с 1940 г.), Разведывательных отделов штабов 1-й и 2-й Отдельных Краснознаменных армий (с августа 1938 г.), Разведывательных отделов штабов групп и корпусов ОКДВА (с 1940 г. — Дальневосточного фронта), Разведывательного отдела штаба Тихоокеанского флота (с 1935 г.), Разведывательного отдела штаба Амурской Краснознаменной военной флотилии (с 1933 г.).

на российском Дальнем Востоке. Лишь с 1925 г. РУ Штаба РККА стало активно насаждать свою агентуру в Японии, Китае и Корее для ведения агентурной стратегической разведки. Разведотдел штаба 5-й армии стал заниматься главным образом оперативной разведкой, частично продолжая выполнять задачи стратегической разведки в указанных странах⁴.

Основными задачами военной разведки на зарубежном Дальнем Востоке являлись: изучение вооруженных сил различных военно-политических группировок Китая; выявление политической ориентации каждой группировки, ее социальной базы и внешнеполитических связей; освещение политических и военных взаимоотношений между различными группировками; ведение разведки японских воинских частей, дислоцировавшихся на территории Манчжурии и Кореи; раскрытие намерений и мероприятий империалистических государств в Китае, прежде всего Японии, Великобритании, Франции и США; изучение китайского театра военных действий и его подготовка, особенно в Манчжурии и Корее; добывание сведений о вооруженных силах Японии как потенциального военного противника в Азиатско-Тихоокеанском регионе, о ее планах и намерениях в отношении СССР в политической, дипломатической, экономической и военной сферах. Кроме того, в 1920–1930-х гг. в Манчжурии дальневосточные органы военной разведки в соответствии с решениями партийно-политического руководства государства осуществляли диверсионные акты.

Особую область работы военной разведки составлял сбор сведений о планах, составе и деятельности вооруженных отрядов белоэмигрантских организаций в Манчжурии и Северном Китае. Резидентурам военной разведки в Китае вплоть до 1926 г. одновременно с разведывательными ставились и контрразведывательные задачи: выявление агентуры белоэмигрантских организаций на российской территории, разложение их вооруженных отрядов, подрыв авторитета руководителей белоэмигрантских организаций и др.

Общие задачи в зависимости от обстановки уточнялись и конкретизировались. Однако главной разведывательной задачей было добывание сведений о вооруженных силах Японии и северных милитаристов в Китае, непосредственно угрожавших безопасности дальневосточных границ СССР. Разведывательные задачи в отношении армии Гоминдана и китайских национальных армий до начала 1927 г. имели общий характер и только после переворота Чан Кайши были конкретизированы, их решению

стали придавать особое значение. В период вооруженного конфликта на КВЖД в 1929 г. от военной разведки потребовалось наладить получение достоверных сведений о военно-политических мероприятиях китайского правительства.

На Разведотдел штаба ОКДВА (с 1940 г. — Дальневосточного фронта) возлагались примерно те же задачи, что и на Разведуправление Штаба РККА, но в меньшем масштабе. В его ведение входили: организация стратегической агентурной разведки в сопредельных с российским Дальним Востоком странах; организация в зависимости от требований обстановки и в соответствии с распоряжениями Разведуправления активной разведки в тылу противника; ведение по мере необходимости и по указаниям Разведуправления разведки в политической, экономической и дипломатической областях; получение и обработка иностранной прессы, военной и военно-политической литературы разведываемых стран; обработка материалов по всем видам разведки и составление сводок и обзоров; установление связи с местными представителями тех ведомств, которые имели заграничную агентуру, и получение через них необходимых сведений, добываемых этими ведомствами; руководство деятельностью разведывательных органов в войсковых соединениях, подчиненных штабу ОКДВА (ДВФ).

В ноябре 1920 г. Совет труда и обороны принял постановление, согласно которому Регистрационное управление (предшественник РУ Штаба РККА) помимо РВСР было подведомственно и ВЧК на правах ее отдела, а начальник Региструпра являлся членом Коллегии ВЧК с правом решающего голоса. Назначение начальника Региструпра должно было производиться по согласованию РВСР и ВЧК⁵. Его включение в состав Коллегии ВЧК обеспечивало, кроме прочего, координацию работы и позволяло устранять параллелизм в организации разведывательной деятельности.

В первые годы существования советской военной агентурной стратегической разведки ее задачи и масштаб деятельности обычно выходили за рамки непосредственных интересов военного ведомства, тесно переплетались с работой внешней разведки. Первоначально одно лицо часто выполняло функции резидента военной и внешней разведок. Так, в Китае действовали объединенные резидентуры РУ Штаба РККА и ИНО ГПУ.

Однако подобное координирование работы Разведуправления и Иностранного отдела не способствовало разрешению вопросов, постоянно возникавших в ходе практической работы. Поэтому уже в 1921 г. встал вопрос об объединении агентурных аппаратов РУ и ИНО с целью концентрации сил и средств разведки и повышения ее эффективности.

⁴ См.: Шинин О. В. Взаимодействие органов безопасности Дальнего Востока с органами военной разведки в процессе разведывательной работы в 1922–1941 гг. // История освоения Россией Приамурья и современное социально-экономическое состояние стран АТР: Материалы международной научно-практической конференции, Комсомольск-на-Амуре, 4–5 октября 2007 г. Ч. 2. Комсомольск-на-Амуре, 2007. Л. 423.

⁵ См.: Энциклопедия военной разведки России / Авт.-сост. А. И. Колпакиди. М., 2004. Л. 47.

Поскольку практический опыт работы был еще недостаточен и слабо обобщен, РВС и ГПУ условились до принятия решения изучить вопрос и вернуться к нему позднее. К вопросу об объединении военной и политической разведок возвращались в 1923, 1927, 1929 г., однако каждый раз по тем или иным причинам его решение откладывалось.

Что касается закордонных аппаратов, то в 1923 г. совещание РВС под председательством Э. М. Склянского признало нецелесообразным объединение агентурных аппаратов ИНО и Разведуправления. В результате началось разделение зарубежной агентурной сети с назначением каждым из ведомств своих резидентов. В ходе процесса, который завершился в 1925 г., оперативные работники нередко меняли принадлежность, переходя из военной разведки во внешнеполитическую, и наоборот⁶. Сотрудники внешней и военной разведок нередко переходили из одного ведомства в другое и впоследствии. Так, резидентом резидентуры ИНО Полпредства № 6 в 1931–1932 гг. был «Жданов», ранее работавший по линии Разведуправления в Шанхае и Тяньцзине. Резидент резидентуры ИНО Полпредства № 5 в 1931–1933 гг. «Аркадий» до 1921 г. проходил службу в органах военной разведки.

Взаимодействие с НКВД полпредство ОГПУ на Дальнем Востоке осуществляло как через центральный аппарат ОГПУ, так и непосредственно. На регулярной основе в НКВД направлялась информация о вооруженных инцидентах на советско-китайской границе, о набегах белоэмигрантских отрядов, о поддержке этих отрядов регулярными частями китайских войск, о вторжении китайских и японских подразделений на советскую территорию и по другим вопросам, характеризующим пограничную ситуацию⁷. Она учитывалась при формировании внешней политики СССР в Дальневосточном регионе.

В 1924 г. политбюро ЦК РКП(б) для оказания давления на Китай (в том числе с целью склонения к подписанию межгосударственного соглашения) приняло решение о подготовке возможного военного вмешательства. Для выяснения военной и политической обстановки в Китае в Харбин была направлена ударная тройка в составе председателя В. А. Антонова-Овсеенко и А. И. Иванова (НКПС)⁸. Перед ней в рамках согласованного с Дальбюро ЦК РКП(б) изучения экономической, политической и военной обстановки на Дальнем Востоке были поставлены задачи по согласованию «работы Китайского представителя Дальревкома, Военведа и ГПУ по вопросам, связанным с Китаем», выяснению со-

стояния китайских вооруженных сил на КВЖД и разложению белой эмиграции⁹. На расходы «ударной тройки» по подготовке советизации КВЖД выделили 75,5 тыс. долларов, из них почти 47 тыс. долларов для разложения российской белоэмиграции и репатриации эмигрантов в СССР, по 6 тыс. долларов на усиление разведки и разложение армии Чжан Цзолина¹⁰.

В марте 1924 г. ударная тройка прибыла в Читу. На состоявшемся 29 марта заседании Дальбюро ЦК было принято решение ввести в ее состав начальника разведывательного отдела штаба 5-й армии А. П. Аппена (Хмелева) и секретаря губернского бюро РКП(б) в Харбине Владимирова¹¹.

30 марта после получения телеграммы полпреда СССР в Китае Л. М. Карахана ударная тройка выехала в Китай и 1 апреля прибыла в Харбин, где состоялось совещание с участием особоуполномоченного НКВД СССР М. Я. Браун-Ракинина, а также резидента ИНО ОГПУ и Разведуправления Штаба РККА Б. Н. Мельникова. По результатам совещания Браун-Ракинина, Владимирова и Мельникова было поручено собрать информацию по вопросам, поставленным политбюро ЦК РКП(б), преимущественно используя имевшиеся у Мельникова агентурные возможности. Вместе с тем выяснилось, что разведывательная работа в отношении Японии и войск Чжан Цзолина из-за нехватки финансовых средств была малорезультативной; Мельникову было предложено повысить эффективность получения развединформации и отпущено на эти цели 2 тыс. долларов¹². Кроме этого, ему поручили изучить вопрос об использовании хунхузских банд и формировании вооружении рабочих отрядов, а в рамках мер, намеченных для разложения белоэмигрантских организаций, проработать вопрос образования Репатриационной комиссии и Союза возвращения на Родину¹³.

Еще в марте 1923 г. советник Чрезвычайного полномочного представительства РСФСР в Китае и резидент ИНО ОГПУ Я. Х. Давтян сообщил в НКВД, что в Китае находится примерно 5000 «белых» беженцев, большинство из них собирается вернуться в РСФСР, но из-за отсутствия средств вынуждено записываться в формируемые японцами для набегов на территорию СССР партизанские отряды. Он подчеркивал, что политически целесообразно организовать репатриацию этих лиц на Родину¹⁴. Для решения вопроса была создана комиссия из представителей НКВД и ОГПУ. В качестве первоочередных мер комиссия подготовила изданное 9 июня 1924 г. ВЦИК постановление о распространении

⁶ См.: Энциклопедия военной разведки России... Л. 51.

⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (далее АВП РФ). Ф. 0100. Оп. 8. П. 111. Д. 8. Л. 56, 57, 67, 68, 131, 132, 313–319, 366–370б., 374–376, 377–386, 563–577, 638–646.

⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 424. Л. 2.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 749. Л. 28.

¹⁰ Там же. Л. 4.

¹¹ Там же. Л. 33.

¹² Там же. Л. 35–37.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 752. Л. 3–5.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 8. П. 111. Д. 8. Л. 127, 128.

амнистии, объявленной ВЦИК 3 ноября 1921 г., на солдат армий всех бывших антибольшевистских правительств, эвакуировавшихся в Китай и Монголию. Помимо того было признано целесообразным создание репатриационной комиссии¹⁵.

2 апреля В. А. Антонов-Овсенко, Н. П. Грант (включенный в комиссию заместитель начальника РУ Штаба РККА А. Я. Зейбот. — *О. Ш.*) и А. И. Иванов выехали в Пекин, где провели совещание с Л. М. Караханом, на котором дополнительно обсудили вопрос о разложении белоэмиграции¹⁶.

По возвращении в Харбин ударная тройка также приняла ряд решений по указанному вопросу, особенно в отношении Амурской группы, дислоцированной на китайской территории напротив Благовещенска и представившей наибольшую военную опасность. Для реализации запланированных мер было решено отпустить Мельникову и Гранту дополнительные средства и направить специальных представителей, а также выяснить возможность использования хунхузов, о чем было направлено письмо полпреду ОГПУ на Дальнем Востоке А. П. Альпову¹⁷.

14 апреля ударная тройка приняла решение сформировать репатриационную комиссию при аппарате особоуполномоченного НКВД СССР с включением в ее состав представителей ПП ОГПУ ДВО и губбюро РКП(б) в Харбине¹⁸. На заседании ударной тройки 15 апреля Н. П. Гранту поручили представить на рассмотрение все материалы, касавшиеся разведывательной работы; по согласованию с представителем ИККИ в Китае Г. Н. Войтинским было решено отпустить Китайской компартии дополнительные средства на ведение военно-революционной работы в войсках Чжан Цзолина и издание в Харбине еженедельной газеты¹⁹.

Оценив разведанные о китайских войсках в Манчжурии, ударная тройка признала их недостаточными; материалы о составе, вооружении, финансовой обеспеченности, связях на территории СССР и планах белоэмигрантских организаций получили высокую оценку, как и меры, принимавшиеся ПП ОГПУ ДВО по борьбе с их подрывной деятельностью²⁰. Полпред ОГПУ Альпов в докладе председателю тройки Антонову-Овсенко о положении на Дальнем Востоке предложил подчинить Полпредству легальную резидентуру ИНО ОГПУ в Харбине для организации более эффективной борьбы с белоэмигрантскими организациями²¹.

В мае 1924 г. Антонов-Овсенко получил телеграмму от Наркома иностранных дел СССР Г. В. Чичерина о завершении деятельности комиссии, отзыве его в Москву и оставлении для работы на Дальнем Востоке А. И. Иванова и Н. П. Гранта²². Отбывая из Китая, Антонов-Овсенко оставшиеся средства передал для продолжения репатриационной работы, налаживания разведывательной деятельности в Китае и Японии, а также для развития революционной работы Коммунистической партии Китая и Национальной партии Гоминдан²³.

В январе 1926 г. стремление разобраться в том, что в действительности происходит в Китае, оценить тенденции и перспективы развития революционных событий и упорядочить работу направленных в Китай военных работников побудило политбюро ЦК ВКП(б) вновь принять решение о командировании в Китай инспекционной комиссии, наделенной широкими полномочиями; ее председателем был назначен секретарь ЦК и начальник Главного политического управления РККА А. С. Бубнов (под псевдонимом Ивановский. — *О. Ш.*), а членами — Н. А. Кубяк, И. И. Лепсе и Л. М. Карахан²⁴. Комиссия работала в Китае с февраля по апрель 1926 г.

17 мая 1926 г. Бубнов направил И. В. Сталину подготовленный по результатам поездки в Китай доклад под названием «Общие выводы и практические предложения». Он отметил, что постановка информационной работы вообще и разведывательной (Разведуправление Штаба РККА, ИНО ОГПУ) в частности неудовлетворительна. Разведорганы, достаточно освещая Манчжурию и Монголию, плохо изучали остальную Китай и противоборствующие милитаристские группировки. Политика полпредства и военно-политическая работа базировались зачастую на случайных, отрывочных и непроверенных сведениях; в работе Разведуправления и ИНО имелось много параллелизма, приводившего к излишней трате валютных средств.

Существовавшая в Китае консульская сеть не отвечала потребностям советской активной политики. Бубнов констатировал недостаточность учета политического значения торгпредской работы в Китае. Работу Пекинского военного центра он признал неудовлетворительной и указал, что, довольно слабо разбираясь в общей обстановке в Китае и во взаимоотношениях Народных армий между собой и внутри каждой из них, центр не сумел наладить правильной работы групп инструкторов и поставить им реальные задачи. Пекинский центр, не имея определенной организационной формы и ясных служебных взаимоотношений с группами и политическим ру-

¹⁵ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 8. П. 111. Д. 8. Л. 256, 257, 443.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 749. Л. 38.

¹⁷ Там же. Л. 38, 39; Д. 752. Л. 8, 9.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 752. Л. 10, 11.

¹⁹ Там же. Л. 14, 15.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 749. Л. 102–104, 119–122.

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 746. Л. 17, 19–21.

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 752. Л. 26.

²³ Там же. Л. 29.

²⁴ См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 2, ч. 1. 1926–1927 гг. М., 1996. Л. 24.

ководством (полпредом и М. М. Бородиным), почти все время занимал неопределенное промежуточное положение.

В качестве рекомендаций А. С. Бубнов предлагал: разведывательную работу (РУ Штаба РККА, ИНО ОГПУ) построить так, чтобы Северный Китай и Монголия освещались под углом обеспечения безопасности СССР, а остальной Китай — с точки зрения потребностей активной советской политики и изучения противоборствующих в нем сил; создать специальное бюро при полпредстве, которое освещало бы политико-экономическую жизнь Китая; военведу и ОГПУ договориться о большей согласованности в работе и устранении параллелизма; расширить консульскую сеть, усилить руководящий аппарат торгпредств; создать в Пекине работоспособный военный центр; на политическое руководство возложить ответственность за политическую целесообразность проводимых мероприятий; ответственность за руководство работой военных инструкторов возложить на военного руководителя (военного атташе); установить регулярную связь между пекинским руководством и группами, особенно Кантоном; поручить К. Б. Радеку обратить особое внимание на подготовку переводчиков при Университете Сунь Ятсена; оказание материальной помощи Народным армиям, а в будущем и другим группировкам, признать целесообразным лишь при наличии гарантий, что эта помощь сможет быть использована для укрепления советского влияния; через Коминтерн обратить внимание Китайской компартии и Гоминдана на политработу в Кантонской и Народных армиях, работу по разложению милитаристических группировок и на установление связи с крестьянскими вооруженными организациями. 20 мая 1926 г. доклад был заслушан на политбюро ЦК ВКП(б) и принят к сведению²⁵.

До 1929 г. работа ИНО ПП ОГПУ ДВО, РУ Штаба РККА и разведотделов штабов дальневосточных воинских частей велась параллельно, отмечались неединичные случаи столкновения в одном пункте, приобретение в качестве осведомителей одних и тех же лиц. Основной причиной этого был недостаточный профессионализм сотрудников закордонных аппаратов. По той же причине провал военной разведки в 1929 г. привел к ликвидации агентурных сетей Разведуправления в Китае и Корее. Рельефно отмеченные недостатки проявились в 1935 г., когда провал агента РО штаба ОКДВА вызвал цепную реакцию разоблачений агентуры разведотдела и ИНО Полпредства, а также компрометацию резидента резидентуры ИНО Полпредства № 2 «Макса»²⁶.

На протяжении 1920-х гг. разведотделом (7 от-

делом) штаба Сибирского военного округа, разведотделом штаба ОКДВА и Полпредством ОГПУ практиковался взаимный обмен напрямую или через Далькрайком ВКП(б) информационными сводками о военном и политическом положении в сопредельных странах, разведывательной деятельности японских, китайских и иных спецслужб в Манчжурии и на российском Дальнем Востоке, а также об участии белоэмигрантских организаций в подрывной деятельности иностранных спецслужб против СССР²⁷.

Так, в июле 1924 г. начальник разведотдела штаба 19 корпуса Я. М. Страздынь направил полпреду ОГПУ на Дальнем Востоке А. П. Альпову донесения агентов разведотдела в Шанхае за 1922–1923 гг. (о подрывной деятельности белоэмигрантских организаций, тактике и методах работы японской контрразведки, о вывозе атаманом Семеновым российского золота и ценностей, а также выводе белогвардейцами из порта Владивосток российских военных кораблей и гражданских судов и их продаже), полученные через представителя ИККИ в Китае И. А. Рыльского²⁸.

Внешняя и военная разведки информировали друг друга об особенностях оперативной обстановки в разведываемых странах, имеющих значение для организации закордонной агентурной деятельности, о недостатках в работе с агентурой, об угрозах провалов агентов, о причинах и последствиях таковых, а также оказывали взаимную помощь в локализации негативных последствий провалов.

В апреле 1934 г. харбинская «легальная» резидентура ИНО ОГПУ получила данные о том, что нелегальный резидент IV отдела штаба ОКДВА посещал квартиру секретаря японской военной миссии Суда. Последующая совместная разработка ИНО ОГПУ, ИНО и ОО ПП ОГПУ ДВК, ИСУ РККА и IV отдела Штаба ОКДВА позволила установить, что резидент перевербован японцами, передал им радиостанцию, шифр и сообщил все известное ему о разведывательной деятельности IV отдела. 1 ноября 1934 г. он был выведен на территорию СССР и арестован ОО Полпредства в Хабаровске²⁹.

Во второй половине 1936 г. ИНО УГБ УНКВД ДВК на основании обобщения агентурных данных составил справку о розыске японской полицией и контрразведкой в Манчжурии радиостанций, подерживавших радиосвязь с СССР. В справке указывались конкретные лица, взятые японцами в агентурную разработку, а также описывались факты захвата нескольких радиостанций органов советской военной разведки.

²⁵ См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 2, ч. 1. Л. 220, 221, 226, 227.

²⁶ См.: Шинин О. В. Взаимодействие органов безопасности Дальнего Востока... Л. 429.

²⁷ Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 67. Л. 39; Д. 166. Л. 26, 26 об., 64, 64 об., 244, 244 об., 245; Д. 167. Л. 5–9, 99–102.

²⁸ См.: Шинин О. В. Взаимодействие органов безопасности Дальнего Востока... Л. 429.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 55. Л. 1–6.

В феврале 1937 г. по полученным 7 отделом УГБ документальным данным в Муданьцзяне были арестованы четыре корейца по подозрению в проведении разведывательной работы в пользу СССР; при обыске у них были обнаружены радиоаппаратура и шифры. Как установила агентура 7 отдела, двоих из арестованных перевербовали и поместили на конспиративную квартиру для восстановления радиосвязи с СССР. Информация была направлена в РО штаба ОКДВА, перепроверена и подтверждена; так в самом начале удалось пресечь операцию японских спецслужб по созданию дезинформационного канала. В марте 1937 г. агентура 7 отдела добыла совершенно секретное донесение штаба Квантунского жандармского управления об аресте указанной группы корейцев, что позволило детально выяснить причины и обстоятельства провала, а также подготовить эффективные меры по локализации его негативных последствий³⁰.

Нередко резидентуры в связи с объективными сложностями брали на себя решение задач «соседних» ведомств. Так, в связи с тем, что в конце 1936 г. работа резидентуры РУ РККА в Японии после провала некоторых агентов была парализована, перед харбинской резидентурой ИНО ГУГБ НКВД была поставлена задача активизировать сбор информации по военным вопросам. В первую очередь было необходимо выявлять планы подготовки военной агрессии против Советского Союза, следить за переброской, дислокацией, вооружением, боевым и моральным состоянием японской армии и военно-морского флота. Часть агентурного аппарата харбинской резидентуры переключили на добывание военно-технической информации. В это время были получены ценные документы о подготовке японским Генштабом отдельных операционных направлений Манчжуро-китайского театра военных действий, в том числе о строительстве портов, железных дорог, аэродромов, складов, баз снабжения, шоссе и грунтовых дорог. Как следовало из документов, японцы отводили Манчжурии в предстоящей войне с СССР роль плацдарма³¹.

Со второй половины 1920-х гг. Разведуправление начало вести работу по созданию более надежных прикрытий для разведчиков, для чего предприняло организацию специальных торговых компаний за границей. Полный отрыв резидентур от официальных представительств позволил бы обеспечить необходимую конспирацию, а в случае войны — продолжение разведывательной работы и ее финансирование. В марте 1927 г. заместитель председателя Реввоенсовета И. С. Уншлихт и начальник Штаба РККА М. Н. Тухачевский подготовили проект постановления СТО по вопросам создания коммерческих

частных контор за рубежом (утвержден председателем СТО). Для перевода агентурной разведки на более конспиративные формы работы стала создаваться определенная материальная база, которая в дальнейшем сыграла ведущую роль в решении не только организационных, но и разведывательных задач советской военной разведки. Создание указанных контор за рубежом необходимо было еще и в целях снабжения оружием Китая и некоторых других восточных стран.

Существовавшая до этого практика отправки оружия с помощью советских государственных органов вызывала дипломатические осложнения, поэтому 3 марта 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение прекратить подобную практику и поручило Китайской комиссии организовать частное общество для этой цели³². Поскольку к созданию таких фирм разведка только что приступила, а обстановка требовала поставку оружия продолжать, было признано целесообразным привлечь для этого концессионное общество «Востваг», созданное в 1923 г. для решения разведывательных задач, главным образом легализационного и финансового характера.

«Востваг» развернул экспортно-импортные операции во многих странах мира, занимаясь вывозом из Германии, Франции и США товаров для колоний и ввозом туда пушнины и кишок, по сути монополизировав рынок сбыта этого сырья. В Китае «Востваг» имел свои отделения в Шанхае, Ханькоу, Тяньцзине, Пекине, Калгане и Мукдене. Располагая обширными коммерческими связями, «Востваг» фактически руководил многими другими фирмами, в частности двумя американскими акционерными обществами, проводившими операции в Китае. При помощи «Воствага», активное содействие деятельности которого оказывали и дальневосточные органы безопасности, была решена задача поставки вооружения в Китай и другие страны.

25 мая 1934 г. на заседании политбюро ЦК ВКП(б), обсуждавшем вопросы деятельности IV Управления Штаба РККА, было отмечено, что агентурная работа IV Управления недостаточно увязана с работой Особого отдела и ИНО ОГПУ, вследствие чего возникали недоразумения между ними и отдельными их работниками. Констатировалось, что руководство агентурной работой штабов приграничных округов децентрализовано и что командование несогласованно с Центром ставило агентуре не только оперативные, но и организационные задания. В решении указанного заседания политбюро ЦК рекомендовало основные усилия военной разведки сконцентрировать на Японии, Манчжурии, Китае и некоторых странах Европы. Для повышения эффективности координации и взаимодействия в работе IV Управления, ОО и ИНО ОГПУ Политбюро ЦК

³⁰ См.: Шинин О. В. Взаимодействие органов безопасности Дальнего Востока... Л. 430.

³¹ Там же. Л. 431.

³² См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 2, ч. 2. Л. 633, 634.

постановило создать постоянную комиссию в составе начальников этих учреждений для согласования общего плана разведработы, обмена опытом, взаимного информирования о возможных провалах, тщательного изучения провалов и выработки мероприятий по их предотвращению, для проверки отправляемых на закордонную работу сотрудников, контроля и наблюдения за ними за рубежом³³.

Со второй половины 1930-х гг. органы внешней и военной разведок активно взаимодействовали при оказании поддержки китайскому партизанскому движению в Манчжурии. 15 апреля 1939 г. нарком внутренних дел Л. П. Берия и нарком обороны К. Е. Ворошилов в целях использования партизанского движения и его организационного укрепления подписали указание Военным советам 1 и 2 ОКА оказывать партизанам помощь оружием, боеприпасами, продовольствием и медикаментами иностранного производства или в обезличенном виде, а также руководить их работой, формировать из числа интернированных партизан небольшие группы и перебрасывать обратно в Манчжурию с разведывательными задачами. Начальникам УНКВД Хабаровского и Приморского краев, Читинской области предлагалось оказывать Военным советам полное содействие в проводимой работе, в частности в проверке и отборе переходивших со стороны Манчжурии и интернированных партизан и передаче их Военным советам для использования в разведывательных целях и переброски обратно в Манчжурию. Начальникам погранвойск указанных округов предписывалось оказывать содействие как в части свободной переправы перебрасываемых на территорию Манчжурии сформированных групп, так и в части приема переходящих советскую границу партизанских групп и отдельных связников³⁴.

В следующие годы дальневосточные пограничные органы задерживали переходивших из Манчжурии на территорию СССР китайских и корейских партизан, проводили их фильтрацию, в процессе которой вербовали агентами для освещения деятельности партизанских частей и соединений, а также для добывания документальных материалов японских полицейских и жандармских подразделений во время ведения боевых действий в Манчжурии. Пршедших фильтрацию передавали разведывательным отделам Дальневосточного фронта, 1 и 2 ОКА, которые размещали их в различных приграничных пунктах, оказывали медицинскую помощь, подготавливали и перебрасывали в Манчжурию. Для работы с партизанами на советской территории разведотделы создавали и размещали в приграничных пунктах оперативные группы.

³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162 (Особая папка). Д. 16. Л. 64, 65.

³⁴ См.: Органы безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 1. Накануне. Кн. 1: Ноябрь 1938 – декабрь 1940. М., 1995. Л. 36, 37.

Закордонная агентура УНКВД, УКПВ и пограничных отрядов Дальнего Востока добывала контрразведывательную информацию о состоянии партизанских армий, внутривосточных разногласиях и интригах в их руководстве, а также проникновении японской контрразведки в партизанские части. Партизаны, в отношении которых были получены данные о причастности к японским спецслужбам, брались в разработку совместно органами безопасности и погранорганами. На основании получаемой в ходе допросов информации, а также добываемых разведывательных материалов 3 отдел УНКВД Хабаровского края, 5 отдел УКПВ НКВД Хабаровского округа, разведотделы ДВФ, 1 и 2 ОКА регулярно составляли и направляли друг другу сводки о составе и численности, вооружении, командирах и политработниках, боевых действиях народно-революционных партизанских армий³⁵.

Со второй половины 1930-х гг. взаимодействие органов пограничной охраны и разведывательных отделов штабов дальневосточных частей РККА и РККФ при выводе агентуры закордон, приеме агентов, возвращавшихся из-за рубежа, а также обмене разведывательной информацией стало носить более организованный характер. Для ведения закордонной разведки разведотделы штабов дальневосточных частей РККА и РККФ создали в Гродеково, Имане, Бикине, Полярково, Турем Роге, Новокиевском приграничные разведывательные пункты (ПРП), дислокация которых, участки их деятельности на границе и формы маскировки устанавливались 5 Управлением РККА по согласованию с Главным управлением пограничных войск НКВД СССР. Для работы на границе работники разведорганов НКО и НКВМФ зачислялись приказами соответствующего командира пограничного отряда в состав работников штаба отряда, носили форму пограничных войск, обеспечивались служебными помещениями в зданиях штабов пограничных отрядов.

О лицах, командируемых на заграничную работу, органы внешней и военной разведок, погранохраны информировали друг друга. Переправа через границу агентов органов военной разведки, а также прием агентов из-за кордона осуществлялись в присутствии представителя погранотряда. Переправе предшествовали тщательная разведка участка госграницы, а также изучение документов, характеризовавших постановку охраны границы и пограничного режима на данном участке. Командир погранотряда организовывал охрану границы в районе переправы так, чтобы она обеспечивала скрытность переправы и невозможность нарушения границы. После производства переправы продолжалось наблюдение за сопредельной стороной. Если устанавливалось, что переправа там обнаружена, то все лица, производив-

³⁵ См.: Шинин О. В. Взаимодействие органов безопасности Дальнего Востока... Л. 432.

шие ее, продолжали оставаться в районе переправы для выяснения обстановки. При этом запрещалось применять меры содействия обратному возвращению агента, которые могли бы создать угрозу конфликта на границе.

Руководители периферийных разведывательных органов допускались начальником погранотряда к опросу всех задерживавшихся нарушителей государственной границы с целью выявления интересующих разведорганы вопросов. В целях наиболее полного и своевременного использования добытых материалов разведорганы обменивались ими непосредственно на местах³⁶. Так, органы военной разведки информировали органы безопасности и погранохраны по вопросам: политико-экономического положения в Китае, Корее и Японии; дислокации разведывательных и контрразведывательных органов, их личном составе, агентуре, формах и методах работы; структуры, дислокации, состояния, личного состава антисоветских организаций и групп, ведущих подрывную работу против Советского Союза; структуры, практической деятельности, характеристики руководящего состава политических партий и групп, особенно оппозиционно настроенных к существовавшим правительствам в регионе; организации охраны границы и режима в пограничной полосе в Китае и Корее; дислокации в погранполосе сопредельных государств частей погранохраны и частей регулярных войск.

Органы безопасности и пограничной охраны передавали в соответствующие разведорганы НКВД и НКВМФ сведения военного характера: о дислокации, организации, состоянии вооруженных сил, военной промышленности, транспорта, военных сооружений и о военных мероприятиях Китая и Японии; политико-экономическом положении государств региона; дислокации контрразведывательных органов, формах и методах их работы; дислокации в пограничной полосе закордона частей погранохраны и системе охраны границы; организации, дислокации и состоянии военно-морского, воздушного и торгового флота, судостроительной и военной промышленности, портов, верфей и т.п.; топографических картах, планах железнодорожных станций и т.п.

Взаимодействие органов внешней и военной разведок, подразделений Исполкома Коминтерна в исследуемый период осуществлялось по многим направлениям. Основной принцип взаимодействия, сформулированный в подписанном руководителями Коминтерна (Г. Е. Зиновьев и О. А. Пятницкий), ВЧК (И. С. Уншлихт) и Региструпа (А. Я. Зейбот) Постановлении об отделениях Коминтерна за границей и представителях Региструпа и ВЧК, заключался в оказании представителем Коминтерна

полного содействия ВЧК, Региструпу и его представителям³⁷.

Внешнеполитическая и военная разведки, органы пограничной охраны содействовали пунктам связи Отдела международной связи Исполкома Коминтерна³⁸, созданным в городах Иркутске (1921), Чите (1921), Владивостоке (1922), Шанхае (1921), в организации нелегальных переправ через Государственную границу СССР представителей Коминтерна, Профинтерна, КИМ, МОПР, Коммунистических партий стран Дальнего Востока, оружия и военного снаряжения, марксистской литературы, документов прикрытия, денег и ценностей, а также в подборе явочных квартир, поддержании конспиративной связи между Исполкомом Коминтерна (Москва), Дальневосточным бюро Исполкома Коминтерна (Шанхай)³⁹, Компартиями Китая, Кореи, Японии и ряда других стран Дальнего Востока, а также информировали ИККИ по вопросам, имевшим значение для международного коммунистического движения.

Разведывательные органы имели тесные рабочие контакты с Исполкомом Коминтерна. 13 мая 1922 г. начальник ИНО ГПУ М. А. Трилиссер писал О. А. Пятницкому: «Некоторые из материалов, получаемые от наших резидентов из-за границы, могущие интересовать Коминтерн, мы направляем вам. Я бы просил каждый раз по получении от нас таких материалов, давать свои заключения по ним и сообщать имеющиеся у вас сведения по вопросам, затронутым в этих материалах»⁴⁰. 21 декабря 1925 г. начальник Разведуправления штаба РККА Я. К. Берзин писал О. А. Пятницкому: «Уважаемый товарищ. 1) По проверенным данным, т. Демьяненко, пом. комиссара штаморсил на Д.В., работающий по связи КИ, вследствие неумения ставить конспиративную работу расшифрован как Ваш сотрудник перед японцами и администрацией пароходов. Доводя об этом до Вашего сведения, добавляем, у нас имеются сведения, что в результате халатности т. Демьяненко была провалена целая группа товарищей, направлявшихся в Кантон»⁴¹. В мае 1929 г. помощник начальника IV Управления Штаба РККА А. Я. Песс

³⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 342. Л. 3.

³⁸ После VII конгресса Коминтерна в 1936 г. назывался Службой связи Секретариата ИККИ (см.: *Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К.* Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М., 1997. Л. 199).

³⁹ Образовано в апреле 1926 г. по предложению Восточного отдела ИККИ решением Политбюро ЦК ВКП(б) из представителей Коминтерна, Профинтерна, КИМа, китайской, корейской и японской компартий под председательством Г. Н. Войтинского (см.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. 1920–1925 гг. М., 1994. Л. 563).

⁴⁰ См.: *Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К.* Указ. соч. Л. 88.

⁴¹ См.: *Усов В. Н.* Советская разведка в Китае. 20–е гг. XX века. М., 2002. Л. 55.

³⁶ См.: *Шинин О. В.* Взаимодействие органов безопасности Дальнего Востока... Л. 433, 434.

направил секретарю ИККИ Пятницкому список «товарищей, известных шанхайской полиции»⁴².

ГПУ, органы безопасности Дальнего Востока регулярно сообщали в Восточный отдел и ОМС ИККИ полученные сведения о слежке полицейских органов Японии, Китая, Кореи за коммунистами, об арестах, провалах нелегальных типографий и пунктов связи, а Восточный отдел нередко запрашивал подобного рода информацию. ИНО ГПУ запрашивал у ОМС сведения о деятелях зарубежных партий, приезжавших в СССР на учебу или работу, а также обеспечивал ОМС интересующими разведанными⁴³.

Подразделения ИККИ регулярно направляли в органы внешней и военной разведки материалы, получаемые в ходе работы в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. В кратком перечне вопросов, требовавших освещения, о Японии, Китае и Корее, составленном в ИККИ, помимо прочих содержались подробные вопросы о численности, составе, оснащении, боеготовности армии, военно-морского флота и военно-воздушных сил указанных государств, о состоянии промышленности, всех видов транспорта и связи, политической и социальной обстановке в странах; отмечалось, что «по всем вопросам военного характера желательно иметь главным образом официальные документы и фотографические снимки, а также сведения, записанные из достоверного источника»⁴⁴.

В декабре 1922 г. заведующий Читинским пунктом ОМС ИККИ М. Рубин направил выдержку из полученного доклада Японской компартии полпреду ГПУ на Дальнем Востоке Л. Н. Бельскому и секретарю Приморского губбюро РКП(б) К. Ф. Пшеницыну. В ней сообщалось о выделении японским правительством 250 тыс. иен для организации сбора разведывательных сведений в Приморье, Сибири, Корее, Манчжурии и Китае и отмечалось, что сотрудники японского департамента полиции уже направлены во Владивосток, Шанхай и Харбин для реализации намеченных планов⁴⁵. В январе 1923 г. заведующий Читинским пунктом ОМС в письме Пшеницыну писал, что информация о разведывательной деятельности сотрудников японского департамента полиции Кагами и Окуба подтвердилась и что ПП ГПУ на Дальнем Востоке получил из Харбина сведения о структуре, составе и планах организованного японцами «центра». Заведующий пунктом ставил вопрос об использовании для связи с Японской компартией резидентур в Корее; он отмечал, что имевшаяся устойчивая связь через Шанхай обходилась дорого и занимала много времени⁴⁶.

⁴² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 347. Л. 115.

⁴³ Там же. Оп. 23. Д. 365. Л. 170.

⁴⁴ Там же. Д. 5. Л. 64–66.

⁴⁵ Там же. Оп. 138. Д. 1. Л. 14.

⁴⁶ Там же. Л. 2, 3.

15 марта 1928 г. на Политбюро ЦК ВКП(б) специально слушался вопрос об упорядочении связей между коммунистическими и профсоюзными организациями Китая, Коминтерном и Профинтерном. Было принято решение организовать отделение ОМС ИККИ в Харбине вне советских учреждений, органам ОГПУ предписывалось оказывать содействие представителям Китайской компартии, международных рабочих и коммунистических организаций при их нелегальном переходе Государственной границы СССР. В Харбинском консульстве СССР был выделен сотрудник для поддержания конспиративной связи с отделением ОМС и Москвой⁴⁷.

В ИККИ регулярно направлялись добытые советской разведкой документы, перехваченные и расшифрованные телеграммы, в которых содержалась информация, имевшая отношение к деятельности дальневосточных компартий. Так, в декабре 1928 г. были направлены перехваченные шифртелеграммы агентов Корейского генерал-губернаторства об установлении слежки за некоторыми корейцами, прибывшими в Харбин, шифртелеграмма полицейского департамента корейского генерал-губернаторства о прибытии в Харбин избежавших ареста в Японии членов Японской компартии, доклад штаба корейских войск об организации и поддержании корейскими коммунистическими организациями связи с СССР и Манчжурией⁴⁸.

В августе 1925 г. Военный отдел ИККИ подготовил директиву об организации военной работы Китайской компартии, указав в ней, что партия должна вести работу по организации вооруженных сил китайской революции и подготовке масс к боям «с иностранными империалистами и реакционными китайскими милитаристами». ЦК КПК и крупнейшим местным комитетам было предписано организовать военные отделы, деятельность которых должна была осуществляться по направлениям организации собственных сил, разложения и использования сил противника, в том числе использования партизанского движения и хунхузов в целях национально-освободительного движения. Создание военного аппарата Китайской компартии было утверждено решением Китайской комиссии ЦК РКП(б)⁴⁹. В соответствии с ним в конце 1925 г. Пленум ЦК КПК постановил создать Военную комиссию (комитет, отдел) ЦК КПК, в состав которой вошли видные деятели Китайской компартии. 23 ноября 1925 г. в Шанхай прибыл представитель Разведуправления Штаба

⁴⁷ См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 3: ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1927–1931 гг. Ч. 1. М., 1999. Л. 350.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 347. Л. 77, 78, 127, 128; Д. 348. Л. 53.

⁴⁹ См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. 1920–1925 гг. М., 1994. Л. 594–602.

РККА А. П. Хмелев (Аппен) в качестве военного советника Военной комиссии⁵⁰.

Деятельность военного аппарата велась по организации боевых дружин, крестьянских партизанских отрядов, активная работа проводилась в армиях милитаристов и в армии Национального правительства Фэн Юйсяна. Основное внимание в конце 1926–1927 г. уделялось подготовке Северного похода армии Гоминдана, для чего велась работа по разложению солдат реакционных милитаристов, дезорганизации тыла противника путем взрыва мостов, железнодорожных путей, сбору разведывательных материалов о противнике и др. В отчете за июнь–июль 1926 г. председатель Дальбюро ИККИ Г. Н. Войтинский отмечал, что военная работа КПК разрослась. Повсюду имелись уполномоченные и комиссии, объединенные Военным отделом ЦК КПК. Поставлена не только информационная работа, но и проникновение в армию, а также связь с партизанскими отрядами⁵¹.

3 марта 1927 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение на смену Хмелеву командировать в Китай сотрудника Разведуправления Штаба РККА Г. И. Семенова. 25 июня 1927 г. Семенов в докладе в Разведуправление и ИККИ констатировал, что информационная работа (сбор разведывательных данных. — О. Ш.), а также работа Военной комиссии в армиях противников Гоминдана слаба и что он реализует мероприятия по ее улучшению. С этим докладом он направил полученные через французского коммуниста материалы о состоянии французских вооруженных формирований в Китае. Как представляется, Семенов неоднократно использовал возможности Дальбюро ИККИ для поддержания связи не только с ИККИ, но и с РУ Штаба РККА⁵².

В марте 1928 г. прошло первое заседание Военной комиссии при Восточном секретариате ИККИ под председательством Я. К. Берзина, членами которой были сотрудники Коминтерна, Разведупра, представители КПК. Комиссия подготавливала инструкции для Военного отдела ЦК КПК и разрабатывала тактику вооруженного восстания⁵³.

В мае 1928 г. Восточный секретариат ИККИ подготовил инструкцию о военной работе КПК. В инструкции описывались структура и организация Военного отдела ЦК КПК и военных комиссий на местах, формулировались задачи и направления деятельности Военного отдела и военных комиссий в сфере разложения армий милитаристов (включая

совершение диверсионных актов), сбора разведывательных сведений, формирования отрядов рабочих и крестьян и снабжения их оружием⁵⁴.

В начале 1929 г. Г. И. Семенов вернулся в Москву. В докладе на заседании военных работников 15 февраля 1929 г. он отметил, что ко времени Кантонского восстания у военной организации имелась сеть агентов почти во всех военных центрах, а информационная работа была поставлена эффективно⁵⁵.

Резидентуры Разведупра в случае необходимости финансировали представительства ОМС ИККИ в Китае, помогали поддерживать связь с Дальбюро ИККИ, снабжали разведывательной информацией. Так, представитель ОМС в Шанхае К. Лессе неоднократно одалживал деньги у резидентуры «Рамзая» (Р. Зорге), последний по прибытии Лессе в Шанхай помог ему связаться с членом Дальбюро ИККИ А. И. Рьльским. ИККИ в 1931–1932 гг. передавал через Зорге деньги представителям КПК. Резидентура Зорге в Шанхае поддерживала связь с арестованным руководителем пункта ОМС Я. А. Рудником и адвокатом Ж. Венсаном. Через резидентуру представители ИККИ иногда пересылали в Москву почту⁵⁶.

В декабре 1932 г. А. Эверт писал И. А. Пятницкому из Шанхая, что ему направили О. Брауна, причём IV Управление Штаба РККА поставило Брауна в подчинение представительству Коминтерна и в финансовом плане. Эверт отмечал, что пока Браун «обрабатывает материал по своей особой теме», а потом его отправят в советский район. В марте 1933 г. Эверт к докладу Пятницкому приложил и материалы Брауна о военном положении в советском районе, копии которых просил передать в IV Управление. В мае 1933 г. Эверт писал Пятницкому, что А. Смедли исполняли не только они, но и IV Управление и что надо оказать ей помощь остаться в Китае⁵⁷.

В исследуемый период эпизодически осуществлялось взаимодействие с разведкой Национальной партии Гоминдан. В 1925 г. в Кантоне под руководством советских советников был создан Департамент общественной безопасности со структурой и задачами, аналогичными структуре и задачам ОГПУ. Для подготовки специалистов были организованы ускоренные курсы, позволившие укомплектовать Департамент сотрудниками. Руководили Департаментом и его подразделениями китайцы, инструкторами были несколько сотрудников ОГПУ и РУ Штаба РККА, которые пытались организовать контрразведывательную и разведывательную деятельность на плановой конспиративной основе. С целью кон-

⁵⁰ См.: Картунова А. И. Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. — июль 1927 г.). М., 2001. Л. 77, 78.

⁵¹ См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 2, ч. 1. Л. 297, 298.

⁵² Там же. Л. 633, 634, 808–810.

⁵³ См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 3: ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1927–1931 гг. Ч. 1. М., 1999. Л. 355.

⁵⁴ Там же. Л. 387, 398.

⁵⁵ Там же. Л. 315.

⁵⁶ См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 4: ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931–1937 гг. Ч. 1. М., 2003. Л. 108–118, 148, 153, 154, 175.

⁵⁷ См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 4, Ч. 1. Л. 286, 287, 353.

трразведывательного обеспечения Гоминдановских войск Департамент создал осведомительную сеть. На основе полученной информации был заведен ряд разработок в отношении иностранцев, подозревавшихся в шпионаже. Разработки велась с использованием агенты Департамента и советской разведки. Как в интересах Гоминдана, так и в интересах СССР добывались и обрабатывались печатные издания, из числа окончивших курсы китайских работников в Южном Китае, Гонконге, французском Индокитае были созданы агентурные группы и резидентуры⁵⁸.

В конце 1930-х гг. разведка Центрального китайского правительства, находившегося в Чунцине, высказала заинтересованность в установлении контактов с советской разведкой. В апреле 1938 г. во время переговоров с советским представителем начальник Контрольно-статистического бюро Военного комитета поднял вопрос о сотрудничестве китайской и советской разведок для: обмена информацией о белоэмиграции, иностранцах, троцкистах и выявленных японских агентах; добывания и расшифровывания японской переписки; взаимодействия в проведении разведывательной работы против Японии резидентуры советской разведки в Шанхае и нелегальной китайской резидентуры⁵⁹.

В 1938 г. на основе достигнутой договоренности на паритетных началах было создано Объединенное бюро для ведения совместной разведработы против Японии (руководитель — генерал Чжан Цзолин, его помощник — советский представитель). Бюро состояло из трех отделов: 1-й занимался организацией разведывательной сети, подготовкой личного состава и изучением оперативной техники; 2-й, информационный, обрабатывал агентурные сообщения; 3-й — хозяйственный. Расходы по содержанию агентурной сети в размере 20 тыс. американских долларов в год распределялись поровну между сторонами.

В мае 1938 г. 7 отдел ГУГБ НКВД СССР командировал в Объединенное бюро под прикрытием РУ РККА сначала одного, а затем второго оперативного работника. В конце 1938 г. они информировали, что китайской разведкой созданы нелегальные резидентуры в Нинся, Ханькоу, Тяньцзине, Гонконге, Пекине, Циндао и Цзинани, связь с которыми поддерживалась по радио и через связных. От этих резидентур китайская разведка получала сведения о дислокации японских войск, их переброске, подготовке боевых операций, в том числе налетов японской авиации на города Китая⁶⁰.

⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–22.

⁵⁹ См.: Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. М.: Междунар. отношения, 1997. Т. 3: 1933–1941 гг. Л. 219, 220.

⁶⁰ См.: Шинин О. В. Некоторые вопросы взаимодействия органов безопасности, органов военной разведки с исполнительными структурами организаций международного рабочего и коммунистического движений в процессе разведывательной работы в 1922–1941 гг. // Особенности интересов России в пограничной сфере Дальнего Востока и пути формирования

Вместе с тем работа китайской разведки страдала серьезными недостатками: слабой оставалась организация подготовки агентов перед заброской в японский тыл, допускались грубые нарушения правил конспирации в самом Объединенном бюро, а также в резидентурах. Халатность и безответственность часто приводили к провалам. Расшифровка агентурных сообщений шла медленно, в результате чего донесения о подготовке рейдов японской авиации иногда поступали руководству после их завершения.

Первое время работа Объединенного бюро была плодотворной. От действовавших резидентур были получены сведения о дислокации японских войск, их вооружении, воинских перевозках, подготовке боевых операций и т. п. С начала 1940-х гг., особенно после заключения в 1941 г. советско-японского пакта о ненападении, ситуация стала постепенно ухудшаться. Китайская пропаганда открыто порицала СССР в связи с заключением пакта; появились обвинения в том, что СССР активно помогает Компартии Китая и инспирирует повстанческое движение в Синьцзяне. В результате ухудшилось отношение и к работникам советских учреждений в Китае, Гоминдановская контрразведка стала преследовать китайцев за контакты с советскими гражданами. Объединенное бюро прекратило существование. С этого времени сотрудничество с Гоминдановской разведкой носило эпизодический характер.

В годы японо-китайской войны в Чунцине работала большая группа советских военных специалистов, из которых были сформированы три самостоятельных аппарата, подчинявшиеся непосредственно Москве: аппарат военного атташе, аппарат главного военного советника и аппарат заместителя по разведывательной кооперации.

В эти годы в составе советских военных советников при ставке главнокомандующего китайской армии успешно работали не только офицеры различных родов войск, но и специалисты по военной разведке, оказавшие большую помощь китайцам в организации и ведении оперативной и стратегической разведки против японцев. В первой половине 1938 г. старшим военным советником по разведке при ставке главнокомандующего был И. Г. Ленчик, в октябре 1938 г. его сменил С. П. Константинов (в то время был старшим советником объединенной разведки Гоминдана, руководимой Стай Пэйчэном и Дай Ли).

В сфере деятельности советских военных советников по разведке входили участие в изучении японской армии и выявление планов японского командования. Однако на практике военные советники не ограничивались этими задачами, их усилия

системы их обеспечения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 27 апреля 2006 г. Хабаровск, 2006. Л. 256.

были направлены и на оказание помощи китайцам в организации разведки против японцев.

Слабость войсковой и радиотехнической разведок китайцы пытались компенсировать активизацией агентурной деятельности. Созданная Гоминданом агентурная сеть охватывала основные центры оккупированных японцами районов Китая, а также территорию некоторых внутренних районов Японии. Однако результаты агентурной деятельности по японской линии были невелики. Китайская агентура в силу ее недостаточной профессиональной подготовки часто проваливалась, ее ликвидировала японская контрразведка⁶¹.

Подводя итоги, можно констатировать, что взаимодействие разведывательных структур осуществлялось в разнообразных формах: разработка нормативных актов, регулирующих задачи и направления взаимодействия; обмен оперативной значимой информацией; проведение отдельных разведывательных операций; создание совместных оперативных групп для ведения конкретных закордонных разработок; участие в подготовке партизанских отрядов, действовавших в Манчжурии; выезды в служебные командировки для проведения согласованных действий, проверок и оказания помощи, изучения и

распространения положительного опыта; взаимное использование возможностей для повышения квалификации оперативных работников, проведение рабочих встреч и совместных совещаний и др.

Взаимодействие разведывательных органов со структурами ИККИ, его представительствами в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, дипломатическими, консульскими и иными зарубежными легальными советскими представительствами осуществлялось в основном в рамках взаимного обмена информацией, оказания организационной и материально-технической помощи отдельным милитаристским группировкам в Китае, Китайской национальной партии Гоминдан и Коммунистической партии Китая.

Взаимодействие разведывательных, иных государственных и партийных органов, организаций международного коммунистического и рабочего движения при ведении разведывательной деятельности на зарубежном Дальнем Востоке было довольно устойчивым на всем протяжении исследуемого периода и осуществлялось в соответствии с принятыми политбюро ЦК ВКП(б) основополагающими решениями. Формы и методы указанного взаимодействия определялись ведомственными и межведомственными нормативными правовыми актами, основная часть которых была формализована во второй половине 1930-х гг.

⁶¹ См.: Шинин О. В. Некоторые вопросы взаимодействия органов безопасности... Л. 257.

Список литературы:

1. Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М.: РОССПЭН, 1997.
2. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. 1920–1925 гг. М.: Букет, 1994.
3. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 2: 1926–1927 гг. Ч. 1. М.: Букет, 1996.
4. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 2: 1926–1927 гг. Ч. 2. М.: Букет, 1996.
5. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 3: ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1927–1931 гг. Ч. 1. М.: Букет, 1999.
6. ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 4: ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931–1937 гг. Ч. 1. М.: РОССПЭН, 2003.
7. Картунова А. И. Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. – июль 1927 г.). М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2001.
8. Органы безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 1: Накануне. Кн. 1: Ноябрь 1938 – декабрь 1940. М.: Книга и бизнес, 1995.
9. Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. М.: Междунар. отношения, 1997. Т. 3: 1933–1941 гг.
10. Шинин О. В. Взаимодействие органов безопасности Дальнего Востока с органами военной разведки в процессе разведывательной работы в 1922–1941 гг. // История освоения Россией Приамурья и современное социально-экономическое состояние стран АТР: Материалы международной научно-практической конференции, Комсомольск-на-Амуре, 4–5 октября 2007. Ч. 2. Комсомольск-на-Амуре: АмГПУ, 2007.
11. Шинин О. В. Некоторые вопросы взаимодействия органов безопасности, органов военной разведки с исполнительными структурами организаций международного рабочего и коммунистического движений в процессе разведывательной работы в 1922–1941 гг. // Особенности интересов России в пограничной сфере Дальнего Востока и пути формирования системы их обеспечения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 27 апреля 2006 г. Хабаровск: Хабаровский пограничный институт ФСБ России, 2006.
12. Усов В. Н. Советская разведка в Китае. 20-е гг. XX века. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
13. Энциклопедия военной разведки России / Авт.-сост. А.И. Колпакиди. М., 2004.

References (transliteration):

1. Adibekov G. M., Shakhnazarova E. N., Shirinya K. K. Organizatsionnaya struktura Kominterna. 1919–1943. M.: ROSSPEN, 1997.
2. VKP(b), Komintern i natsional'no-revolyutsionnoe dvizhenie v Kitae. Dokumenty. 1920–1925 gg. M.: Buket, 1994.
3. VKP(b), Komintern i natsional'no-revolyutsionnoe dvizhenie v Kitae. Dokumenty. T.2. 1926–1927 gg. V 2 ch. Ch. 1. M.: Buket, 1996.
4. VKP(b), Komintern i natsional'no-revolyutsionnoe dvizhenie v Kitae. Dokumenty. T.2. 1926–1927 gg. V 2 ch. Ch. 2. M.: Buket, 1996.
5. VKP(b), Komintern i Kitay. Dokumenty. T. 3. VKP(b), Komintern i sovetskoe dvizhenie v Kitae. 1927–1931 gg. V 2 ch. Ch. 1. M.: Buket, 1999.
6. VKP(b), Komintern i Kitay: Dokumenty. T.4. VKP(b), Komintern i sovetskoe dvizhenie v Kitae. 1931–1937 gg. V 2 ch. Ch. 1. M.: ROSSPEN, 2003.
7. Kartunova A. I. Politika Moskvy v natsional'no-revolyutsionnom dvizhenii v Kitae: voennyi aspekt (1923 g. – iyul' 1927 g.). M.: Institut Dal'nego Vostoka RAN, 2001.
8. Organy bezopasnosti SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne. Sbornik dokumentov. T. 1. Nakanune. Kn. 1: Noyabr' 1938 – dekabr' 1940. M.: Kniga i biznes, 1995.
9. Ocherki istorii rossiyskoy vneshney razvedki. V 6 t. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1997. T. 3: 1933–1941 gg.
10. Shinin O. V. Vzaimodeystvie organov bezopasnosti Dal'nego Vostoka s organami voennoy razvedki v protsesse razvedyvatel'noy raboty v 1922–1941 gg. // Istoriya osvoeniya Rossiiy Priamur'ya i sovremennoe sotsial'no-ekonomicheskoe sostoyanie stran ATR: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Komsomol'sk-na-Amure, 4–5 oktyabrya 2007. V 2 ch. Komsomol'sk-na-Amure: AmGPGU, 2007. Ch. 2.
11. Shinin O. V. Nekotorye voprosy vzaimodeystviya organov bezopasnosti, organov voennoy razvedki s ispolnitel'nymi strukturami organizatsiy mezhdunarodnogo rabocheho i kommunisticheskogo dvizheniy v protsesse razvedyvatel'noy raboty v 1922–1941 gg. // Osobennosti interesov Rossii v pograničnoy sfere Dal'nego Vostoka i puti formirovaniya sistemy ikh obespecheniya: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 27 aprelya 2006 g. Khabarovsk: Khabarovskiy pograničnyy institut FSB Rossii, 2006.
12. Usov V. N. Sovetskaya razvedka v Kitae. 20-e gg. XX veka. M.: OLMA-PRESS, 2002.
13. Entsiklopediya voennoy razvedki Rossii / Avt.-sost. A.I. Kolpakidi. M., 2004.